

Х.-Ф. БАЙЕР (H.-V. BEYER)
ЕКАТЕРИНБУРГ

ИДЕОЛОГИЯ, ПОКАЗАННАЯ НА ПРИМЕРЕ ОТРИЦАНИЯ
ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ РОЛИ ГОТОВ В КРЫМУ, ОТРИЦАНИЯ ИХ
ИКОНОПОЧИТАНИЯ ВО ВРЕМЯ ИКОНОБОРЧЕСТВА И
ПЕРЕНЕСЕНИЯ ИХ ЕПИСКОПИИ НА НИЖНИЙ ДУНАЙ¹

Письменные источники, историографию авторов прошлого времени можно также называть сообщениями предков потомкам. Этой же цели может служить и монумент, памятник. Если у предков нет письменности и нет памятников в прямом смысле слова, остаётся ещё письменность их соседей, а также следы, которые неграмотные оставили случайно в земле, на которой жили, не обязательно предназначенные к тому, чтобы свидетельствовать о них, как, например, украшение готки из могильника у с. Лучистое². Его предназначение состояло, вероятно, в том, чтобы снабдить женщину красивыми и любимыми ею вещами в потустороннем мире. И если это украшение ещё выражает что-то типично готское, то от готов почти ничего типичного не осталось, когда они, как и другие народы Крыма, христианизировались и начинали копировать византийские образцы с идеей того, что, чем более адекватно они воспроизводятся, тем лучше. Таким образом, ничего письменного от этих народов не имея, идеологи получают возможность заселять Крым прошлых времён теми людьми, которых желают там найти. Самый худший пример использования таких пристрастий *Torarcha Gothicus* украинского происхождения, приобретённый Бенедиктом Газе, французом немецкого происхождения, может быть для того, чтобы сделать ещё более щедрым петербургского мецената графа Николая П. Румянцева (1754–1826) и получить от него, кроме

¹ В настоящей статье использована система ссылок, принятая в издании: БАЙЕР Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001 (см. здесь С. XVIII)/

² Там же. С. 40 (далее в тексте – Б.).

денег, и иные почести. Он был разоблачён только в 1971 г. И. Шевченко³. Но для достижения этих целей фальсификация французу даже была не нужна. В основе обмана лежало, скорее всего, убеждение, что ‘петербургские господа интересуются только росами’ (‘Ρῶς’) ⁴. Он бросил приманку, и её поглотили. Им был обманут даже А.А. Васильев, «зодчий» теории русского протектората над Крымом в IX–X вв.⁵, используя понятие, которое было актуальным в его время, время позднего колониализма⁶.

Что касается истории крымских готы, то они, хотя были федератами византийской империи со времени ок. 787 г., всё же оставались независимыми. Они жили, с небольшими перерывами, под властью тюркских народов и привыкли к этому своему состоянию, считая хазарского кагана, куманского хана Кончака и татарских ханов, а через последних с 1475 г. и турецкого султана своими высшими правителями. В их истории произошло обратное тому, что совершилось в России: индоевропейцы, даже самые воинственные из них, германцы, – о воинственности крымских готы свидетельствует ещё Бюзбек, – подчинялись степнякам до второй половины XVI в. и далее. Факт, что такое устройство власти также возможно, является интересным и в определённом смысле даже актуальным до сих пор.

Второй факт состоит в том, что в районе Мангупа (Дори, Феодоро) готы жили со времён Прокопия и ранее вплоть до времён Бюзбека и позже. Если там находятся пещерные церкви, датируемые указанным тысячелетием, то следует предположить, что именно готы их построили. Это означает не то, что крымские готы развили особенный стиль, ‘крымскую готику’, но то, что рабочая сила, воплощённая в этих храмах, в первую очередь была готской, даже в том случае, если архитекторы пришли извне.

Предположение, которое следует опровергнуть, состоит в том, что крымские готы были немцами (deutsch). Готы никогда не были ни немцами, ни предками немцев, хотя немцы иногда присваивают их

³ ŠEVČENKO I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115-188.

⁴ MEDVEDEV I. Ιστορία ενός πλαστογραφήματος: ο λεγόμενος Toparcha Gothicus // Βυζαντινά. 2000. Vol. 21. P. 241.

⁵ VASILIEV A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass. 1936. V.

⁶ Многие „протектораты“ были нанесены на не очень старых картах. Слово пробуждает и нехорошее воспоминание о „Reichsprotectorat Böhmen und Mähren“, который нацисты устроили на территории Чехословакии спустя три года после появления книги Васильева.

себе, так как к готам восходит древнейший германский литературный памятник, перевод Библии Вульфиллой. Может быть, мои уважаемые крымские рецензенты⁷ чувствуют себя обязанными в качестве защитников отечества против агрессии бывших немецко-нацистских⁸ захватчиков, к отрицанию выше приведённых фактов. Но за этим не скрывается ничего другого, чем ненаучная идеология, на которой основывается и ненаучная спекуляция.

Я немец, а не австриец, ибо как последний я был бы более дипломатичен. Но также дипломатия мешает науке. Я, как немец, всё же не люблю Гёте, крайне реакционного поклонника власти, воспевателя тиранов, не только Наполеона I, но и Тимура, кроме того, и обскуранта, безумного полемиста против Ньютона, и противника Просвещения, как показывает его неподобающая критика Вольтера и Руссо. Во Французской революции поэт-консерватор увидел своего главного врага. И хотя я его не люблю, всё же изредка что-то от него беру. В случае моих рецензентов подходит следующее изречение:

‘Тебе скажу: спекулянт как животное, на тощей пустоши водимое злым духом по кругу, а вокруг расположен красивый зелёный луг’⁹. Теории Гёте о небе были ошибочны, но о преисподней он что-то знал и даже был в этом великим специалистом.

Злой дух в науке – идеология. Так как мои рецензенты не могут приписать мне личных мотивов для опровержения своей теории, они выставляют на показ мою „безапелляционность“ (Г. – М. 617). Так я узнал прежде мне неизвестное слово. При этом они основываются и на некоторых советских ругательствах, мне только отчасти известных. Что касается приписанной мне «безапелляционности», то их намёк на сталинизм правилен, хотя этот принцип не действовал абсолютно и при бывшем социализме. Помню, как стоял в восточном Берлине (в „демократическом секторе“, в „Берлине, столице ГДР“) в очереди, чтобы получить какое-то разрешение на пребывание там, а представители туристических агентств со многими документами протискивались вперёд. Из-за этого я громко протестовал, говоря, что это не соответствует принципам социализма. Ибо и они должны отстоять в очереди. Никто

⁷ ГЕРЦЕН А.Г., МОГАРИЧЁВ Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики ико-ноборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 615-632 (далее – Г. – М).

⁸ Так надо сегодня сказать, и оставить фашизм итальянцам.

⁹ ГОЕТНЕ J.W. (VON), Faust I, стихи 1830–1833 (Studierzimmer). Благодарю брата Friedrich Beyrer за сообщение точного текста цитаты и её локализацию.

меня из-за моей раздражённости не арестовал, а прошли и мы, простые люди, вперёд, может быть, даже немного быстрее.

„Безапелляционность“ – юридический термин, так что можно применять его только к большим общественным формированиям, которые имеют своё правосудие, работающее по государственным или мировоззренческим ориентирам. Даже при демократии решения могут быть безапелляционными, а именно при прохождении всех инстанций. Только после этого человек имеет право на принятие своей жалобы страсбургской Комиссией по правам человека. Разумеется, осуществление прав человека не только юридическое, но в большей степени даже общественное и политическое дело, а не личное, хотя лицо может способствовать ему. Наибольшая опасность для этих прав исходит из националистических и относительно мировоззрения окаменевших, в особенности и религиозных группировок власти, как, например, принудительные христианизации иудеев византийцами ок. 630 г. и в 873/74 г. (Б. 63. 118), которые отметил Цукерман, и принудительные иудаизации христиан в 614 г. (Б. 327) и опять в 60-е годы IX в. (Б. 77). Я крайне обязан Цукерману за датировку последней иудаизации и за другие его надёжные сведения об иудаизме, например, что „иудейский закон считает обращённого новорождённым, без сохранения связей с родом и семьёй его происхождения“ (Б. 80), кроме того, и за установление им, правда, без обоснования данными источников, того, что „епископ Хазарии, страны, недавно иудаизированной, должен был претендовать на мученичество, предаваясь проповеди христианской веры у евреев“ (Б. 130). Это является, очевидно, правильной оценкой менталитета. Я уже написал, что преследование христианства в итильской Хазарии не совершалось беспричинно, но вследствие того, как новокрещёные угрожали убийством иудеям и мусульманам (Б. 86). Из ссылки царя Иосифа на авторитет кагана как главы неверующих можно сделать вывод, что иудеи оставались терпимыми к язычеству, вероятно, и после своего прихода к власти (Б. 88). Что касается христиан, однако, иудеи поступили с ними в Хазарии так же, как после антииудейского погрома в Иерусалиме 614 г., когда они выкупили христиан у персов, но убивали их в случае отказа от обращения в иудаизм (Б. 326), с той лишь разницей, что в Хазарии они опередили погром. Я предполагаю, что Константин Цукерман испугался своей собственной смелости, когда отрицал, что восстание каваров было обусловлено обращением хазар в иудаизм (Б. 132 сл.). Угроза потери не только собственной религии, в особенности, если она основывалась на пока ещё добровольном обращении в христианство, но и национальности была достаточной причи-

ной для мятежа¹⁰. Это ясно и без моих длинных изложений о *causalitas*. Как датировка обращения хазар в иудаизм К. Цукерманом была смела и

¹⁰ В том же томе, в котором мои рецензенты ведут себя и как адвокаты К. Цукермана, опубликована, вероятно не случайно, и следующая статья: ЦУКЕРМАН К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 521-534. На с. 532 находим итог: „Три указанных в „Анонимном письме“ из хайрской генизы [см. Б. 465 опять указания на Цукермана] взаимосвязанных фактора, которые привели к переменам второй трети IX в. – военный кризис, обращение в иудаизм и появление новой „царской“ династии – могут быть выделены независимо друг от друга“. Военный кризис, ответим, придуман автором, появление царской династии только один из аспектов иуданизации. Можно согласиться с автором в том, что „принадлежность Хазарского государства тюркской традиции несомненна“ и „что эта традиция не несёт в себе ни модель, ни объяснение хазарского двоевластия“ (с. 524). Но он всё же не нашёл объяснения. Косвенно отвергается свидетельство Феофана Исповедника (810/11–814) под годом 623/624 г. о содружестве Ираклия с στρατηγῷ Ζιέβηλ, δευτέρῳ ὄντι τοῦ χαγῶνου τῆ ἀξίᾳ, под командованием которого хазары вторглись через Каспийские ворота в Персию (315, 26-316, 15 DE BOOR); см. цитируемую статью, с. 524 сл. с прим. 16 о якобы ‘убедительном’ опровержении ‘ошибки’ А.П. Новосельева и других. Даже, если свидетельство Феофана по конкретному содержанию ошибочно, оно является из-за даты сочинения Хронографии Феофаном первым свидетельством о двоевластии у хазар. Если конкретное содержание не ошибочно, то это даже указание на то, что иудеи имели свой форпост в Хазарии уже до бегства с Ближнего Востока ок. 630 г. Там в 623/624 г. воевали против персов, а за десять лет до этого на Западе сотрудничали с ними. Сотрудничество на Ближнем Востоке, однако, не длилось долгое время. После наказания христиан персы опять благодарили последним, и иудеи были уведены в Персию (Б. 328 сл.).

Двоевластие, мне кажется, объясняется таким образом, что народ с письменностью и большим историческим опытом соединяется с народом, находящимся в начале своего культурного развития. Пришельцы, если вели себя дружелюбно, с самого начала получали у местных людей большой престиж, компенсируя их культурную отсталость (ср. другой пример: государь и „царь“ готов армянского происхождения, Б. 312-315). Архаическая религия, как иудаизм, могла стать даже привлекательной для тюрков со средней Волги. Также не нужно называть иудейских царей выскочками (с. 527). За ними скрывались усилия, связанное с великой мечтой. Их знатность каким-то образом была заслужена. В этом пункте можно верить и ивритским документам. Иудеи сами или хазары, добровольно обращённые в иудаизм, приобрели аристократический статус только через воинственность, которой с усердием придерживались. Последствием были двоевластие и государственный переворот на основе древнеиудейских идеалов. Дальнейшее развитие состояло в ослабляющем государство мятеже христиан и других, не точно определимых людей, против иуданизации, в победе центральной власти, в соединении мятежников с венграми. Хазария вместе с иудеями не могла сделать большой подарок этому

разумна, так его теория о том, что хазарская крепость Саркел была построена против венгров, слишком дерзка и произвольна (Б. 101), в особенности из-за того, что потребовала от него истолкования истории вопреки данным источников, чем грешат в высшей степени и мои рецензенты¹¹. Константин Багрянородный сообщает о военной конфедерации хазар и венгров и о том, что часть хазар, кавары-мятежники, позже даже присоединилась к венгерскому народу (Б. 131). Всё же статья Цукермана с очевидно ошибочным тезисом содержала много сведений о ранней истории венгров, которые мы использовали. Мы благодарны за то, что он ознакомил нас с такими фактами, как, например, торговля венгров славянскими рабами на Чёрном море (Б. 137) и появление кавар перед Веной в 881 г. (Б. 138). Я не знал этого, хотя прожил в Вене 25 лет. Все эти факты, правда, не касаются непосредственно готов, но накладывают исторические рамки, которые, при скудности источников, дают определённое представление о них.

Если мы и опровергаем некоторые положения К. Цукермана, то это лишь призвано способствовать научному творчеству, приобретению новых, пожалуй, более вероятных идей. Опровержение теорий, таких, как пересадка, чтобы не сказать, депортация, епископии Готии на территорию северной Болгарии, означает только нагрузку для исследователя. Вся аргументация рецензентов опирается на одно слово, очевидно, неправильное Νιχολόλωσ вместо Νιχίητα. Они, как лично обиженные, вместо бла-

народу. Венгерский социальный состав сложился по образцу уже иуданизированной Хазарии. Пришельцы Арпады господствовали, *gyula* соответствовал, мне кажется, хазарскому царю, *kündü* хазарскому *hagadol* (ср. Б. 135 сл., согласно Цукерману). Через весьма благополучный этносинтез выжил венгерский народ, во то время как хазары, куманы, печенеги, кроме того, и крымские готы, исчезли из истории. Иудейское царство, окружённое врагами и лишённое внешних союзников из-за религиозных причин, погибло и нуждалось в учёном, чтобы вернуться, по крайней мере, в сознание человечества. От него, кроме того, осталось ещё значительное количество людей, предки которых были искусственно превращены из гуннов в „семитов“. Как гордились иудеи своим происхождением, можно вывести также из надписи 1458 г., свидетельствующей об их обращении в христианство (Б. 394).

¹¹ К сожалению, эта теория вернулась и в статье 2002 г., см. там же – с. 522, 527-530. Реплика станет ещё более длинной, если займёмся ещё раз этой темой. Приведём здесь последний аргумент Цукермана без комментария: „Приблизительно через 60 лет один из потомков Арпады посетил Константинополь, во главе венгерского посольства. Там он или его товарищи рассказали Константину Багрянородному об истории венгров. Понятно, почему рассказчики умолчали о том, что основатель их царской династии был креатурой старинных врагов собственного народа“ (с. 530).

годарности за исправление данной ошибки, как бы ослепли, утверждая: „Но даже если допустить, что Кирилл представлял крымских готов, Иоанн ни в каком качестве не отмечен“ в актах (Г. – М. 628). Согласно актам, Кирилл расписался на четвертом заседании Собора как „Кирилл, монах и представитель Иоанна, епископа готов“ (Б. 51). Иными словами, мы ищем Иоанна Готского в актах и мы его находим в них. Но он был рукоположен не константинопольским патриархом, а грузинским католикосом, и не мог быть рукоположен и признан Тарасием, главой Константинопольской церкви, из-за своего отсутствия на соборе. Остался епископом Готии Никита, вероятно, бывший иконоборец. Всё ясно. Византийская церковная бюрократия работала очень добросовестно. Она не нарушила закона, как сделал это по религиозным причинам Иоанн. Об этом он сам хорошо знал в 780–784 г., когда ‘получил слово [неприкосновенность личности] от императрицы Ирины’. Только тогда он отправился в столицу (Житие 191 Α καὶ λαβὼν λόγον παρ’ Εἰρήνης τῆς αὐγουστῆς εἰσῆλθεν εἰς τὴν βασιλεύουσαν, ср. Б. 50). Дипломатия отцов Собора 787 г. состояла только в том, что Иоанна не уволили и умолчали о его деле.

Кроме того, если Стефан Младший говорит, „Так как три есть наши области (Τριῶν ὄντων τῶν καθ’ ἡμᾶς μερῶν), не участвующие в этой скверной ереси ...“, и упоминает как одну из них – вместе с Херсоном, Боспором и Никопсисом – „Готскую полость“ (Γότθιος Κοίλη) (Б. 337), то невозможно согласиться с разделением нелюбимой рецензентам Готии, потому что из трёх областей получились бы четыре. Не лучше ли было бы попытаться найти ответ на вопрос, как греки могли этот ландшафт называть Готской полостью? Но рецензенты его уже дали: „... то, как кажется, указание на „полость“, „котловину“, „низменность“ полностью позволяет исключить её из пределов полуострова“ (Г. – М. 625). Но, как быть с равниной, „по середине которой стоит город как стол шестиугольный“, о которой говорит Матфей (Б. 291), и как мог он писать: „я увидел город приятнейший, весьма вознесённый, вокруг имеющий горы, вблизи же равнины“ (Б. 289)? Но эти мои догадки ещё не полностью способствуют идентификации. Не единожды случилось, что специальные знания А. Г. Герцена довели меня до обнаружения, которое я хотел бы, чтобы он уже сделал его сам. Исследователь пишет в контексте, в котором ошибается в том, что иеромонах Матфей отправился в 1396 г. к митрополиту Херсона Фаддею, следующее: „Он [архиерей] вполне мог пребывать ... например, в верховьях Северной бухты [т.е. Севастополя], где находился один <из> самых крупных христианских комплексов Таврики, включавший, по крайней мере, три пещерных монастыря, многочисленные наземные храмы. Этот район Инкер-

манской долины и сейчас впечатляет грандиозными архитектурно-археологическими ансамблями Монастырской и Загайтанской скал, отрога Сапун-Горы, Уч-Баша¹². Нет сомнения в том, что этот вход в Готию, так прекрасно описанный автором, тождествен Готской полости. Географические и археологические особенности вместе с военными кораблями остаются в памяти и того, кто посетил Крым, между прочим, и Инкерман, только один раз. Местность могла быть и прекрасным ориентиром для средневековых мореплавателей, в том числе и бегущих от преследования иконопочитателей. Мы должны быть благодарными А.Г. Герцену за это описание, несмотря на то, что митролит Херсона не находился там, но в 1392–1394 гг. участвовал в восьми заседаниях константинопольского Синода и вскоре после этого умер (Б. 384).

Рецензенты упрекают меня в незнании книги А.Л. Якобсона „Средневековый Крым“ (М.-Л., 1964) и в игнорировании ‘вехи’, которую он поставил (Г.-М. 616). То, что этот исследователь меня не особенно интересовал, обусловлено не только тем, что уже в Свердловске М.Я. Сюзюмов и его ученики критиковали Якобсона, защищая от него теорию культурного континуитета. Можно добавить, что от него следует до сих пор защищать и этнический континуитет Готии, ибо для Якобсона ‘„Готия“ являлась церковно-топографическим названием и не относилась к этническим реалиям’ (Б. 242). И ещё два встреченные нами его предположения были подобны процитированному. Он принадлежал к исследователям, предполагающим, что Фул(л)ы находились на месте современного Чуфут-кале (Б. 63), не учитывая или не зная первого письменного документа – упоминания о городе Менандра Протектора. Согласно ему, Фуллы, через которые отправилась в 576 г. византийская делегация с тюркскими проводниками, должны были быть приморским городом (Б. 64). Несмотря на это, я, очевидно, был первым, который понял замечание в *Notitia de Voog* „хотзирив близ Фул(л) и Харасиу“, не том смысле, что Фуллы расположены близ Харасиу, но в том, что границы страны хотзирив определяются таким образом, как я бы сказал: „Польша расположена близ Германии и Беларуси“ (Б. 56. 86).

Чтобы найти такое решение, недостаточно фантазии, которую рецензенты мне любезно приписывают, но требуется и долгое размышление, чтобы устранить противоречия. Мне потребовалось также долгое исследование, чтобы решить вопрос, какому народу следует приписать культ дерева в Фуллах, освобождаясь при этом от распространённого предубеждения,

¹² ГЕРЦЕН А.Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 259.

что культ дерева встречается только у индоевропейских народов, пожалуй, ещё у каких-то иных, близких к ним, которые им подражали. Не у Фрэзера, специалиста по таким вопросам, но в монографии А.П. Новосельцева о хазарах я нашёл указание на свидетельство албанского епископа Исраэла от VII в. об 'огромном дубе' у 'хонов', 'которому приносили в жертву коней, чьи головы и шкуры вешали на его ветви' (Б. 95). Поэтому 'люди из Фул', которые 'жертвы приносили под большим дубом, сросшимся с черешней' (Б. 90), могли быть и хазарами.

В картину Фулл даже А.Л. Якобсон, сталинист по принуждению или убеждению, может быть, и в том и в другом смысле, внёс свою лепту, доказывая вместе с другими исследователями, что 'памятники Коктебеля принадлежат болгарам' (Б. 65). И.А. Баранов выделил даже 'вторую волну пришельцев тюркобулгар из Поволжья, кутригуров'. Эту волну мы отождествили гипотетически с хазарами-хотзирами (там же). Все приведённые этнонимы, правда, не точно означают одно и то же, но, во-первых, важно, что жители Фулл были восточного, гунно-тюркского происхождения. Чтобы присвоить формулировку В.А. Сидоренко, точная этническая принадлежность 'требует' ещё 'обстоятельных исследований' (ср. Б. 40).

Итак, все письменные данные, пересадка византийского посла с 106 тюркскими мужами с кораблей на лошадей близ Фул (Б. 64), являющихся, вероятно, одним из гуннских поселений между Херсоном и Боспором, о которых свидетельствует Прокопий (Б. 37. 56), заключение Иоанна Готского в Фулах хазарами ок. 787 г. или, немного позже, и его бегство оттуда в Малую Азию (Б. 53), факт, что Константин Философ после своих переговоров с хазарами отправился в Фулы, чтобы прекратить там языческий культ, расположение страны хотзирив между Фулами и рекой Карасу, – топоним сохранился до наших дней, пережило даже устранение татарских топонимов, – возведение Фул в архиепископию до 907 г. (Б. 66) и её соединение с Сугдеей до 1169 г. (Б. 66 сл.), которое предполагает определённую близость обоих городов, – всё это подтверждает локализацию Фул археологами близ Коктебеля.

Замечу здесь только то, что отождествление С.Б. Сорочаном Фул с местностью в районе Инкермана¹³ должно быть ошибочным. Многие из приведённых данных не подтверждают его тезис. Но не принимая их во внимание, можно также возразить, что было бы большой неосторожностью для хазар заключить Иоанна близ Херсона, где господствовали

¹³ Сорочан С.Б. „Зачарованный клад“. Ещё раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 71-79.

византийцы, которые могли бы освободить его силою. Хазары вряд ли знали о том, что херсониты из-за иконоборчества, пожалуй, господствующего ещё у них (см. Б. 62), могли быть не заинтересованы в этом. Близость Мангупа и Херсона к Инкерману – слабые аргументы в пользу тезиса Сорочана. У хазар была сильная конница, чтобы перевезти Иоанна на 250 км в район Коктебеля, и у Константина был сильный мотив, насадить христианство, если не у итильских, то, по крайней мере, у крымских хазар. Он отправился в Фуллы, несомненно, по морю.

Вернёмся ещё раз к А.Л. Якобсону. Подобно многим другим, знаменитый археолог воспроизвёл традиционное мнение, опровергнутое моим коллегой и другом (с перерывами) В.П. Степаненко, что Готией в XV в. правили Гаврасы (Б. 202). Создателем этой теории был А.А. Васильев, хотя именно он в своей книге о крымских готах приводит, кроме некоторых указаний на готских принцев у черкесов, и одно свидетельство, из которого можно однозначно вывести, что династия Алексея была черкесской, так как Мария Мангупская в немецкоязычной хронике своего времени называется черкешенкой (Б. 224). Я смог к этому добавить ещё и заметку в трапезунтском синаксаре о кончине Иоанна Черкеса, умершего 25 июня 1435 г., который, по всей вероятности, тождествен Иоанну, сыну Алексея (Б. 392). И это всё о взглядах Якобсона в нашей книге. Согласно нашим исследованиям, он ошибся в трёх случаях (непризнание этнической реальности готов в Готии, локализация Фулл в Чуфут-кале, предположение династии Гаврасов на Мангупе), однажды он был прав: он принял теорию о следах тюркского населения в районе Коктебеля. Хороший, по всей вероятности, археолог, он всё же как историк для нас не является особенно привлекательным.

Было бы лучше, если бы А.Г. Герцен указал мне на свою собственную работу от 1993 г.¹⁴ Она свидетельствует о том, что даже те, кто отрицают по возможности готов и значительность иконопочитания в Готии, хотя не смогли отличить арианина Вульфилу от православного Унилы (Г.–М. 618) и запутались также настолько, что не узнали время иконопочитания в конце VIII – начале IX в. (Г.–М. 624), всё же в состоянии внести значительный вклад в смысле, противоположном их умонастроению. В статье от 1993 г. А.Г. Герцен транскрибирует названия западных владений, на которые претендовал царь Иосиф ещё между 954 и 956 гг. (Б. 353, датировка согласно Цукерману): „Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алуе, Л-м-б-т, В-р-т-нит,

¹⁴ ГЕРЦЕН А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Сборник научных трудов. Симферополь, 1993. С. 58-66 (в дальнейшем – Г. 1993).

Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин. Эти местности“ по определению Иосифа „расположены на берегу моря Кустандины к западной (его) стороне“ (Г. 1993, 60 сл.). Автор объясняет названия следующим образом: „Первые восемь топонимов достаточно прозрачны, – это Саркел, Таматарха, Керчь, Судак, Алушта, Ламбат, Партенит, Алупка“ (Г. 1993, 61). ‘Черное море называлось в арабской географической литературе со второй половины IX в. – Хазарское. В X в. это название переходит к Каспийскому морю’. Автор предполагает, что ‘это связано с перемещением центра Хазарии в устье Волги’. Но такое перемещение не имело место. Центр Хазарии всегда находился у Каспийского моря, как показывают войны с арабами в первой половине VIII в., и посещение кагана Константином/Кириллом у Каспийских ворот близ Дербента в 861 г., а также упоминание Астил (Итиля) и как реки и как крепости Хазарии в нотиции de Boog. Море Кустандины автор, однако, правильно объясняет в смысле ‘Константинопольское’. „По поводу отождествления десятого пункта с Мангупом“, автор замечает, „соглашались практически все исследователи, хотя это место в рукописи и подвергалось позднейшей подправке“. Мы также здесь не возражаем. И далее: „Помещенный между Алупкой (Алубихой) и Мангупом „Кут“ пытались искать в восточной части полуострова (Кутлак близ Судака), что противоречило принципу географической последовательности перечня“. Это также правильно. „Тем более не выдерживает критики предположение об отождествлении Кута с Готией, поскольку под ней всегда понималась область, а не конкретный пункт“ (Г. 1993, 61). У нас уже достаточно опыта в том, что автор теряет логику, когда становится пристрастным. Его „тем не менее“ – логически ошибочная связь, так как „Готия“ в этом месте не нарушала бы географической последовательности. Приводимый им аргумент, а именно то, что упоминалась бы область, а не конкретный пункт, слаб. Если у хазар в X в. сохранилась, что весьма вероятно, живая память о готском мятеже против хазарского гарнизона и его подавлении ок. 787 г., то царь Иосиф смог упомянуть принадлежность Готии к хазарской империи даже с особенной гордостью. Кроме того, аргумент, что не перечисляются ‘области’, но ‘конкретные пункты’, не очень силен, так как при названии крепости подразумевается и окружающая область. В горной Готии существовали разные крепости. Отдельное упоминание Мангута, пожалуй, объясняется тем, что по логике хазарского царя крепость была единицей, принадлежащей персонально ему (см. возможное объяснение топонима ниже ‘моя крепость’).

В дальнейшем автор сообщает очень ценные данные: „Логичнее было бы направить поиски к северу – северо-западу от Алупки (последнего, несомненно, приморского топонима) в район Внутренней гряды,

где сконцентрировались раннесредневековые городища и селища, в том числе и так называемые „пещерные города“ (Г. 1993, 61). Итак, мы вместе с автором находимся на пути в Мангуп, и можем спросить его, в какой другой области, кроме Готии, мы находимся, согласно вышеприведённой географической последовательности. „Обращает на себя внимание“, продолжает автор, „расположенное в 5 км к западу от Мангупа городище Эски-Кермен. Основана эта крепость была в конце VI в. для союзников Византии – алано-готских федератов“ (61 сл. со ссылкой на Айбабина). Возразим, что, придерживаясь строго географической последовательности, мы должны были бы достигнуть Эски-Кермена ранее, а не позже Мангупа, если Эски-Кермен тождествен Куту. Важнее, однако, сообщение автора о том, что Эски-Кермен был основан для византийских федератов. Не будучи осведомлен об археологических данных, я все же поставлю археологам вопрос о том, можно ли с уверенностью предполагать, что готы и аланы были в конце VI в. уже связаны между собою столь же тесно, сколь в XV в. (Б. 237), что представляется возможным их совместное проживание в одном городе.

Вторую половину VI в. и VII в. до прибытия хазар следует считать периодом наибольшего расцвета крымских готов (Б. 38–42), так что следует причислить и Эски-Кермен к Готии. Предположение получает неожиданное подтверждение от самого А.Г. Герцена. Названию „Эски-Кермен“ „предшествовало название „Черкес-Кермен“ (от наименования татарской деревни в ущелье к западу от городища). В 1578 г. его зафиксировал польский посол в Крыму Мартин Броневский“ (Г. 1993, 62 → БРОНЕВСКИЙ М. Описание Татарию // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 343; ср. BRONIOVII Tartariae descriptio. Кёльн, 1595). Здесь выступает другой народ, а именно черкесы, „готы“ XV в., которые были черкесами, по крайней мере, господствующая над ними династия (см. выше). Турецкое прилагательное „эски“ (по-татарски „иске“) означает ‘старый’, слово „кермен“, однако, отсутствует в современных турецком и татарском языках. Но оно вряд ли означает нечто другое, чем „керман“ и получает своё объяснение от турецкого названия Белгорода-Днестровского „Аккерман“. Слова „керман“ и „кермен“ отсутствуют и в современном турецком языке (согласно Langenscheidt, Taschenwörterbuch), но по словарю географических названий, составленному И.Л. Белянским, И.И. Лезиной и А.В. Суперанской, они всё же тюркские и означают ‘крепость’¹⁵. На основе найденной этимологии „Akkerman – белый го-

¹⁵ Белянский И.Л., Лезина И.Н., СУПЕРАНСКАЯ А.В. Крым. Географические названия. Краткий словарь. Симферополь, 1998. С. 151 (далее – Словарь. 1998).

род (крепость)“ (ср. также по-румынски „Cetatea albă“, средневековое „Moncastrо“ и греческое Ἀστροχάστρον) мы можем объяснить опять с помощью татарского следующие топонимы: Инкерман (Каламита) – широкая крепость (от тат. „ин,“ – широта¹⁶, ср. по-турецки „en“), Манкерман (Киев) – моя крепость (выражает, кажется, притязание завоевателя), Сари-Керман (Херсон) – жёлтая или западная крепость¹⁷, Тепе-Кермен – крепость на возвышенности (определяющее слово „тепе“ – турецкое, ср. по-татарски „түбә“, Эски-Кермен – старая крепость. А.Г. Герцен продолжает: „Кроме этих двух топонимов [т.е. „Эски-Кермен“ и „Черкес-Кермен“], в начале XIX в. бытовал ещё один – „Куттелей“ (Koutteley), упоминаемый автором первого путеводителя по Крыму Ш. Монтандоном“ (Г. 1993, 62 → MONTANDON Ch. Guide du voyageur en Crimée. Odessa, 1834. P. 226 сл.). „П.И. Кеппен, обративший внимание на это, считал, что название относится к укреплению Кыз-куле, расположенному на соседнем с Эски-Керменом плато Топшан“ [топчан – по-тат.: плоский настил из дерева] (там же → КЕППЕН П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврики // Крымский сборник. С.-Петербург, 1837. С. 260). Добавим здесь, что, с языковедческой точки зрения, отождествление Koutteley с Кыз-куле полностью исключается. Топоним „Кыз-куле“ („Девичья башня“ или „Девичья крепость“) напоминает о маяке на Босфоре близ Стамбула, называемом по-турецки Kizkulesi. Название „Кыз-куле“, очевидно, турецкое, а не татарское, так как, согласно моему информатору (native speaker Татарстана), в татарском существует только слово „кала“ (по-турецки „kale“), а не „kule“ в смысле ‘крепость’. А.Г. Герцен также не соглашается с Кеппеном, и продолжает: „Действительно, Монтандон указывает, что Куттелей татары называли башню древней крепости и какие-то постройки, рядом с которыми находится вырубленный в скале глубокий колодец, в подробном описании которого легко узнать знаменитый осадный колодец Эски-Кермена. Таким образом, топоним „Куттелей“ распространялся на это городище“ (А.Г. Герцен 62).

Что касается филологических проблем, связанных с Крымом, то не достаточно знание греческого, латинского и еврейского языков. Филолог скачет с одного языка на другой. Хорошо получить от А.Г. Герцена небольшой урок еврейского. При расшифровке „Куттелей“ нам поможет

¹⁶ Объяснение, кажется, лучше, чем связать слово с турецким: in (тат.: шн) – берлога, нора; ср.: Словарь. 1998. С. 150.

¹⁷ Словарь. 1998. С. 151: сары – у древних и средневековых тюрок также ‘запад’. Значение подобает Херсону.

опять татарский: „Теле“ означает по-татарски ‘язык’ (ср. по-турецки „dil“), „кут теле“ – ‘язык кутов’, „куттеле“ – ‘кутоязычный’.

Теперь надо исследовать вопрос, является ли „кут“ обозначением готов и Готии. Почти во всех языках, которые нам известны, готы называются с гласным „о“, так даже в древнеисландском „gotar“, в древнеанглийском „gotan“. Первый раз, однако, готы встречаются у Страбона 7, 1, 3, 29 как Γούτωνες, затем у Плиния Старшего 4, 99, 5 как Gutones. Обычно, однако, готы называются Γόθοι в греческом, Gotones, Goti или Gotae в латинском. В древнеготском языке, напротив, они обозначают себя как Gut-þiuda (народ готов), встречается и производная форма * Gauts (гот)¹⁸. О том, что крымские готы называли себя гутами или кутами, у нас есть ещё свидетельство Шильтберге-ра, который обнаружил в Крыму Kuthia sprauch, т.е. язык Готии (Б. 234). Так, очевидно, называли их также хазары, которые познакомились с готами не через посредничество греческого обозначения народов, но непосредственно, как и татары. Царь Иосиф, по всей вероятности, имел в виду Готию, когда написал о Кут, и татары называли Эски-Кермен когда-то ‘Готоязычное’¹⁹. Теперь возникает только вопрос, называли ли татары в случае „Куттелей“ кутами настоящих готов, о которых свидетельствует ок. 1570 г. ещё Бюзбек, или черкесов, которые в XV в. присвоили их этноним. Вопрос, который, вероятно, никто ещё не поставил, заслуживает исследования, потому что татары называли Эски-Кермен также Черкес-Керменом.

Ещё один правдоподобный результат получаем из языковедческих исследований за пределами нашей специальности: „Манкерман“ означает ‘мой город’. „Манк-т“ у царя Иосифа, Mangutum, ut Turcae vocant arx et oppidum вместо Мансориа, согласно М. Броневскому (1570, Б. 268), Mangoud у Сестренцевича-Боруша (1800, Б. 170), очевидно, восходит к хазарскому и означает ‘мой гут’. Все формы, содержащие звук „п“ вместо „д“ или „т“ (Мангуп, Манкуп, Мангор [генуэзский акт от 1374 г., Б. 287, прим. 793], Майгор в немецкоязычной хронике конца XV в. [Б. 224 с прим. 671] Мансоріум [Броневский 1570, Б. 268],

¹⁸ HOLTSHAUSEN F. Gotisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934 (2002). 40. 36; ср. также: ГУХМАН М. М. Готский язык. Москва, 1958. С. 265.

¹⁹ Из вариантов, которые дают авторы краткого словаря: (по-турецки) кут – крепость; родо-племенное название; Кут – монгольское имя личное (Словарь. 1998. С. 144) следует избрать второй. Возникает вопрос, каким образом им пришла идея о племенном названии. Есть ли другие свидетельства, намекающие на это, кроме приведённых? „Теле“ авторы объясняет также как родо-племенное название. Значение „язык“ им неизвестно.

Mangup [Бюзбек ок. 1570, Б. 245], Mangup-kalé у доминиканца Jean de Luca [1625, Б. 268], Mancora у доминиканца Emidio Dortelli d'Ascoli [1634, Б. 268 сл.] следует считать искажениями первоначального топонима.

Без знакомства со словарём И.Л. Белянского, И.Н. Лезиной и А.В. Сперанской я предположил бы как этимологию „Манкут“ – „моя Готия (моё готское)“, но на основе информации, которую авторы предоставляют, а именно, по-древнетюркски: кут – крепость²⁰, значение ‘моя крепость’ кажется предпочтительной.

В остальном мне уже надоело заниматься всеми упрёками этой не очень благожелательной рецензии. Я мог сравнительно много обнаружить или опровергнуть того, что должны были обнаружить местные исследователи, но не смогли из-за незнания языков. То, что они, очевидно, не имеют специалиста по татарскому языку, также обусловлено наследием Сталина, как и их недостаточное знакомство с христианством. Но незнание татарского моими рецензентами не только обусловлено событиями недавнего прошлого.

В эти дни мой татарский информатор о татарском языке принёс мне газету, не усомнившись в истинности следующей заметки: „С начала оккупации немцами Крыма там стал действовать крымско-татарский легион СС в составе 8 батальонов. Непосредственно в добровольных формированиях вермахта и войсках СС служили (без учёта „хиви“) примерно 215 тыс. бывших советских граждан“²¹. Я сначала не понял слово „хиви“. Использовали слово „Hiwi“ в Свободном университете Западного Берлина в смысле „ассистент-помощник“, однако, оно не является сокращением слова „Hilfswissenschaftler“ (учёный-помощник), но, согласно „Duden. Deutsches Universalwörterbuch“ от 1989 г. – сокращением слова „Hilfswilliger“ (добровольный помощник). Оно намекает на статус, который расистские оккупанты представили бы крымским эсэсовцам, если бы их режим продержался немного более.

Эти события, однако, и депортация татар никоим образом не объясняют неведение такого выдающегося учёного, как П.И. Кеппен²², от-

²⁰ Словарь. 1998. С. 144, 151. Следует, однако, и здесь иметь в виду, на каких свидетельствах основывается информация. В словарной статье „Мангуп-Кале“ (там же, 88), делают ссылку на „предположение, что этот топоним появился только после разгрома города турками в 1475 г.“ Это мнение ошибочно.

²¹ „Аргументы и факты“, № 39 (1196). Сентябрь 2003 г., 10.

²² Чтобы убедиться в этом, достаточно процитировать отрывок резюме не сделанного доклада С.В. Заморяхина (аспирант В.П. Степаненко): „Наиболее значительным из трудов этого времени [т.е. с конца XVIII в. до середины

носителем татарского языка. Там есть другие барьеры, барьеры менталитета, но учёный не может быть оправдан, если не пытается их преодолеть. Русский менталитет, во всяком случае, ближе к немецкому, чем татарский, у меня в этом деле уже есть личный опыт. Но преодоление границ менталитета является не только научным требованием, но и требованием гуманизма.

Оставив пока татарский язык, обращусь к своим критикам и их затруднениям при исследовании христианства. Они не знают того, что только у митрополита есть епархия (Г. – М. 626, где мне приписывают ошибочное предположение, что Никита в 754 г. был епископом Готии). Другие епископы не подчинялись ни епископу, ни даже архиепископу, по крайней мере, в Крыму. Однако, можно в некотором смысле оправдать рецензентов. Русское употребление слова „епархия“, согласно „Большому энциклопедическому словарю“ 1997 г., в смысле ‘территориальная единица во главе с архиереем (епископом)’ отличается от византийского.

Меня часто упрекают в противоречиях, но противоречий я всегда избегал. В этом избегании вообще состоит установление вероятных или действительных фактов. Утверждение, что „Крым был одновременно местом ссылки и убежищем иконопочитателей“ (619), допустимо; Херсон был местом ссылки, Дорос, Сугдея, Боспор – убежищем, но это не хочется сказать так грубо. На это указывают сохранившиеся свидетельства. В некоторых случаях, хотя и нет свидетельств, положение дел могло быть даже противоположным. Если скажем, что стены Херсона были границей иконоборческого деспотизма и веротерпимости, предоставляемой степняками, то это грубая литография.

Свидетельства о готах, как и о многих других маленьких народах, являются скудными. Есть, однако, достаточно христианских свидетельств о том, что Крым склонялся к иконопочитанию, кроме местностей, достижимых для императорской власти. Нехристиан этот вопрос вообще не интересовал. Итак, мы даже не узнаём ничего об их мнениях. Иконоборчество было императорской религией, не только противной религиозным чувствам монахов, но и несогласной с эллинизмом. За-

XIX в.] стала появившаяся в 1837 г. работа Кеппена „О древностях южного берега Крыма и гор Таврийских“, в которой обобщены все известные к тому времени сведения о крымских готах“ (Заморяхин А.В. Проблема истории крымских готов в отечественной историографии конца XVIII – середины XIX в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 42). Заморяхин упоминает и „список готских иерархов“, который, очевидно, не был переписан А.А. Васильевым.

щитники теории об иконоборчестве в Крыму предполагают по умолчанию сильное влияние хазарских иудеев на образ мышления местного населения. Но хазарская императрица, жена Константина V, была выдающейся иконопоклонницей (Б. 344).

Обратим ещё внимание на два мнимых свидетельства об иконоборчестве вне Херсона. Рецензенты утверждают: „На Мангупе, в центре „оппозиционной“ Готии, легально чеканились монеты с изображением „ненавистных“ императоров – Льва III и Константина V и иконоборческими символами²³, позолоченные подражания солидам Константина V, равно как и оригинальные золотые монеты, обнаруженные в чуффуткальском некрополе²⁴“ (621). Это очень интересно, и об этом, правда, я не знал. Но, во-первых, это только доказательство того, что иконоборчество преобладало в Готии, если чеканили там легально монету, другими словами, если Готия принадлежала, как рецензенты предполагают, к византийской империи, что очень сомнительно из-за владения готского государя, который после хазарского завоевания назывался и топархом, т.е. не подчиняющимся византийской империи властителем (Б. 142). Так, вероятно, назывался и ранее. Вообще данные о византийской светской администрации в Готии скудны: мне известен только один турмарх, печать которого опубликовал Н.А. Алексеенко (Б. 142). Судя по его датировке, следует предположить, что во второй половине X в. Готия принадлежала империи. Итак, следует усомниться только в легальности чеканки. Фальсификация, подражание, о котором также говорят рецензенты в одном случае, не была тогда таким преступлением, как сегодня превращение бумаги в ценную банкноту, потому что материал монет имел свою собственную ценность, но всё же материал стал более ценным или оказался таковым именно с изображением и символикой императора. Готы как фальшивомонетчики, это, во всяком случае, интересная, новая черта в их портрете. Они не могли бы использовать деньги, заменяя изображения ненавистных императоров портретом Богоматери, в том случае, если бы были иконопоклонниками. Это было бы, как портрет Ленина на американском долларе. Но, вероятно, религиозные проблемы их вообще не волновали, но только экономические, а именно возможность обращения для их подделок.

²³ Со ссылкой на: ГЕРЦЕН А.Г., СИДОРЕНКО В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 127–132.

²⁴ См.: КРОПОТКИН В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1965. Вып. 100. С. 114.

Но есть ещё одно мнимое свидетельство. Рецензенты стараются дискредитировать информацию, содержащуюся в Житии Иоанна Готского, на основании её идеологического характера. Но это Житие позволяет доказать тот факт, что епископией Готии правил епископ, который по окончании своего епископства в 754 г. оказался иконоборцем. Рецензенты, вновь защищая неправильную теорию о готской епархии, демонстрируют следующий итог своих размышлений: „Однако, если предположить, что Иоанн – первый, кто пытался создать отдельную Готскую епархию²⁵, тогда может быть объяснима и причина его канонизации“ (Г. – М. 628). На самом деле они засвидетельствовали таким образом своё полное неразумение, и даже не могут быть прощены из-за недостаточного знания сложного греческого языка. Васильевский им всё перевёл. Мы поставим дополнения В. Васильевского в фигурные скобки, наши на основе греческого текста в угловые:

„При императоре Константине тогдашний епископ Готии, вызванный на собранный против святых икон собор, {склонился} и подписал <точно: будучи побуждён, подписал> {(т.е. постановления иконоборческого собора)}, и {за то} был поставлен от царя митрополитом Фракийской Гераклии. Поэтому православные в Готии, не принимая участия в новшествах незаконного собрания, но, оставшись притом без пастыря, предложили в пастыри сего преподобного <Иоанна>“ (ЖМНП. 1878. Т. 195. С. 126).

Итак, никакая епархия или епископия не была создана Иоанном, так как епископия уже существовала. Перевод Васильевского является легко интерпретируемым в том смысле, что неизвестный епископ склонился, но его интерпретация, очевидно, правильна, он был побуждён (προχληθεῖς) не очень хорошими перспективами, ослабел, и получил вместо маленькой епископии на окраине господства Константинопольской патриархии одну из наиболее престижных митрополий, Гераклию (Ereğli) на Мраморном море. Из текста также невозможно вывести иконоборчество в Крыму, но, напротив, иконопочитание народа Готия, который выступает древнегерманском образом весьма сознательным. Следы этого самосознания мы находим ещё в надписях XIV в., одну из которых А.Ю. Виноградов датирует, после передатировки на 1300/1301 год, опять не στυεῦσας βραδέως в смысле „божественного Августа“, теперь вновь 1361/1362 годом (Г. – М. 621).

²⁵ См.: ГЕРЦЕН А.Г., МОГАРИЧЁВ Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 113. Работа не отмечена в списке использованной литературы.

Его „учённость“ доставила неприятности не только мне. Что касается анонимного епископа Готии 754 г., то он, вероятно, был слабым карьеристом, как обычно большинство людей, даже интеллектуалов, если государственная идеология их принуждает к какому-то образу мышления.

Итак, можно сказать, что свидетельства об иконопочитании в Крыму во время иконоборчества существуют: Стефан Сурожский [Б. 73. 344]²⁶, крымские готы, высказывания Стефана Младшего [Б. 337 сл.], благожелательный приём Иоанна Психаита (Б. 351 сл.) и, вероятно, и Епифания в Боспоре [Б. 344] во время умеренного иконоборчества, переписка Феодора Студита с готскими монахами [Б. 346 сл.], немного свидетельств о беглецах в Крым [Б. 48, ср. также неясные указания на собственные статьи и работы „иконоборческого цикла“ В.Г. Васильевского, Г. – М. 619]), но свидетельств об иконоборчестве, несмотря на Херсон (свидетельство Феодора Студита [Б. 346], свидетельство Епифания в Житии Андрея, правильно толкуемое А.И. Романчук [Б. 344]), наши рецензенты пока не нашли. Не только нет ‘большого фактического материала’, который С.Б. Сорочан и А.М. Карнаухова предполагают у защитников теории противодействия иконопочитанию в Крыму²⁷, но и у них вообще нет фактического материала, лишь „необузданная фантазия“, использую их ругательство против меня (Г. – М. 621).

²⁶ В резюме доклада Ю.М. Могаричёв констатирует, что „Стефан Сурожский в этих источниках [Житиях святого, греческом и славянском] выступает как последовательный иконопочитатель, за что и был канонизирован. Однако ряд сюжетов славянской версии Жития позволяют усомниться в этом“. Ссылается на крещение Стефаном сына Константина V. „Введение С.А. Ивановым в научный оборот армянской версии Жития Стефана Суроожского ... позволяет пересмотреть устоявшиеся взгляды. Выясняется, древнейший вариант Жития был составлен в иконоборческую эпоху автором, симпатизирующим Константину Копроному“, см.: МОГАРИЧЁВ Ю. . К вопросу о начальной истории сугдейской епархии // V Международная Крымская конференция по религиоведению. Культурные памятники в мировой культуре: Археологический, исторический и философский аспекты. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2003. С. 30. Если итог исследования С.А. Иванова хорошо обоснован, то он был первым, который нашёл доказательство об иконоборчестве в Крыму вне Херсона. Я такого никогда не исключал, см. моё замечание о грубой литографии выше. Великая чистка от иконопоклонников началась только после смерти хазарской императрицы (Б. 344 с прим. 916). И чтобы не раздражать императора, агнограф в провинции пишет для императора, волей или не волей, то, чего он хочет.

²⁷ СОРОЧАН С.Б., КАРНАУХОВА А.М. О положении христианской церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Херсонес таврийский у истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 12.

Какой то психический комплекс заставляет рецензентов „думать, автор [Х.-Ф. Б.] попытается изложить свои выводы в научной литературе дальнего зарубежья. Необходимо также учитывать и менталитет ряда отечественных читателей, привыкших считать всё написанное западными исследователями святой истиной“ (Г. – М. 618). Для меня совершенно неожидан столь крайний провинциализм, содержащийся в этих высказываниях. Он вряд ли отличается от позднесталинских обвинений в космополитизме (ср. Г. – М. 617). Если под научной литературой дальнего зарубежья подразумевают монографию „The Goths in the Crimea“, вышедшую в 1936 г. в Кембридж/Массачусетс, то, на самом деле, их упрёк не упрёк, но похвала, а упрёк падает на рецензентов, которые в 1993 г. ещё не ознакомились с содержанием этой книги (Б. 54), кроме тех частей, которые появились уже в Советском Союзе. Советская цензура не действовала в 70-х гг., когда мы обменивали в Вене научные книги с А. Каждном, так что неведение исследователей, которые ведут себя как специалисты по истории Готии, почти позорно, придерживаясь устаревшего толкования Де Лагарда, которое сначала усвоил и Васильев. Приблизительно правильной передатировкой Notitia de Boog с XIII в. на VIII в. Васильев был обязан В. Мошину, другому русскому „космополиту“, жившему в Югославии (Б. 58). Почти все значительные работы, касающиеся истории крымских готв, были написаны учёными, работающими в дореволюционной России, в Советском Союзе, на его территории после его распада, или эмигрантами оттуда. Научные итоги их дополняются, уточняются, частично опровергаются, сравнительно реже даже оказываются крайне ошибочными, как изобретение готского епарха Газе, теория Васильева о якобы правящих Готией Гаврасах и его дискредитация всех свидетельств о готах с XV в. и далее. Такой фальшивой теории противодействовали и учёные чисто западного происхождения, см. сборник А. Rousseau (Б. 242 сл., прим. 724). Всё же Васильев сопоставил и все свидетельства о крымских готах, которых не считал доказательными. Только о рассказе Бюзбека он не распространяется и не цитирует его подробно, догадываясь, пожалуй, о том, что при своей учёной тщательности он должен был изменить многие толкования в своей книге. Но мы это сделали и показали, между прочим, вероятным и то, что русские обязаны крымским готам употреблением одного слова: „виноград“ (Б. 264 сл.).

А.Г. Герцен и Н.А. Алексеенко в работе от 2002 г.²⁸ замечают: „Наиболее полной сводкой письменных источников по истории Мангупа

²⁸ ГЕРЦЕН А.Г., АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59 сл., прим. 2. В этом докладе мы изме-

до сих пор остаются работы А.А. Васильева и Н.В. Малицкого⁴. Что касается Васильева, то это главным образом правильно. Мне казалось даже скучным снова переписать все источники, собранные, отчасти уже его предшественниками. Простая переписка создаёт и новые заблуждения. Местами мы исправили переводы Васильева по содержанию. Тексты следует цитировать по Васильеву. Генуэзские акты переиздаются в эти годы в Италии, например, некоторые из 20-х годов XV в. должны цитироваться по: LAURA BELLETTO, *Liber Officii Provisionis Romanie* (Genova, 1424-2428). Генуя, 2000. Моё переиздание надписи от 1361/62 г. скорее, чем от 1300/01 г., однако, не следует игнорировать по совету неблагоприятных грецистов-дилетантов, так как содержит и новую филологическую информацию, небольшие исправления текста и вдохновенное прочтение В.Л. Мыца *τουρμάρχου* вместо *τοῦ ῥ'άρχου* (= *ἑκατοντάρχου*), кроме того, и прочтение Н.В. Малицкого *σωο'* вместо *σωθ'* в примечаниях, т.е. в критическом аппарате, хотя правильно читается скорее в тексте. Но это бывает, что издатель среди прочтений не выбирает правильно. В этом случае правильное прочтение читается в критическом аппарате. Только если его там нет, издатель не выполнил своего долга. То же самое я могу также сказать о своём переиздании очень искажённой надписи феодалитов (Б. 179–181). Там я добавил минимальные филологические исправления и дополнительные толкования, сообщая и всю информацию своих предшественников об исследовании этого памятника.

Кроме того, следует сказать, если критику заслуженных исследователей или компиляторов большого материала, как Bierbrauer в каком-то пункте, это не означает, что отвергаю всю их другую работу. Я собираю золото и у авторов, у которых оно встречается реже (см. выше).

Впрочем, пока не имею впечатление, что мои тезисы не устоят перед критикой, несмотря на небольшие заблуждения, которые я нахожу и сам. Грубейшая из них является смешивание тюрков с финно-уграми (Б. 95). Обратная ошибка встречается у Константина Багрянородного, назвавшего венгров турками (Б. 110). Небольшое подтверждение нашего предположения, что сугды были иранским, аланским народом, а Сугдея – их столицей, мы вывели из резюме доклада В.В. Майко, что именно в этом городе были обнаружены пять зороастрийских древностей²⁹. С другой стороны, согласно статье А.Р. Никифорова, с которой я

нили, как редакторы, несуществующую форму *λογοθέτων* на *λογοθέτου* (там же, с. 61).

²⁹ Майко В.В. Зороастризм в религиозных верованиях крымской Хазарии VIII-X вв. // V Международная Крымская конференция по религиоведению. Культурные па-

также ознакомился только после издания своей книги, ссылающегося на работы заслуженного исследователя степняков М. Крамаровского, – его шутка в Екатеринбурге (Б. 155) вообще не соответствовала его научному направлению, – Крым в арабских источниках тождествен Солхату³⁰, что я также не знал. Итак, если там, согласно арабскому историку (Б. 170 с прим. 470; Никифоров 127), послы египетского султана в 1263 г. встретили кипчаков, русских и алан, то это намекает на мирные отношения между татарами и аланами, и становится маловероятной гипотеза, что в то же время местное население Сугдеи, если было аланским, было изгнано татарами из этого города, или, как я написал, что „аланы уступили свой город Сугдею татарам“ (Б. 170).

При составлении PLP в Вене, мы предполагали, что имена негреческие, содержащиеся в синаксаре Сугдеи, – татарские. При их проверке вместе с моим информатором в татарском языке это оказалось только отчасти верным. Возьмём некоторые примеры лиц, которые церковь Сугдеи признала христианами, отмечая их кончину или упоминая их религиозный статус.

Татарами являются: Антоний, как монах Афанасий, Ἀχύτζης, умерший в 1331 г. (PLP I, № 528; ак – ‘белый’, ит – ‘собака’ или ‘мясо’, -че – татарский суффикс прилагательных, значение: ‘муж с белой собакой’ или, согласно идее моего информатора, ‘муж из белого мяса’, т.е. ‘из элиты’); монах Арсений Ἀλάτζη, умерший в 1287 г. (№ 548; ал – восемь; бери; ат – конь, значение: ‘владелец восьми коней’; не объясняется, однако, по-татарски окончание женской формы этого имени Ἀλατζουχ, № 550 сл., только -оу могло бы быть греческим). Вероятно, татарин был Ἀταγελέρης, отец Ирины, умершей между 1292 и 1301 г. (№ 1602; ата – отец; гелер, килер – придёт). Приведём ещё самые показательные имена татарских христиан: Κηλήτζ, сын которого Антоний умер в 1319 г. (PLP V № 11686 тат. клыч – сабля); Ὀλμάσης, сын которого Захарий умер в 1398 г. (PLP IX, № 21042; ульмас – не умирающий); Ὀτατζής, сын которого умер в 1306 г. (№ 21139; адат – обычай, традиция, (г)д^атче – последователь обычая); Τοχτάς, чтец, умерший в 1319 г. (PLP XII, № 29146; тоткоч – ловец [охотник, рыбак]; держатель).

мятники в мировой культуре: Археологический, исторический и философский аспекты. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2003. С. 25 сл.

³⁰ Никифоров А.Р. Проблемы истории Солхата-Крыма в отечественной историографии // История и археология Юго-Западного Крыма. Сборник научных трудов. Симферополь, 1993. С. 125.

Предки некоторых татарских христиан исповедовали ислам. Отец чтеца Тохт́ας назывался Макарий Γισχοῦφ (PLP II, № 4154; Якуб, тат., араб.); это означает, что дед чтеца, по всей вероятности, был мусульманином. Анна, дочь Ἀτζηλάϊ умерла в 1273 г. (PLP I № 1618; хаджи – паломник в Мекку, бай – богатый³¹); другая Анна Ἀτζηλάϊ умерла в 1271 г. (№ 1619), имя её отца, севаста Πάχλαρ, однако, мы не могли расшифровать; Георгий, сын Ἀτζηλάϊ, выступил как спонсор в 1296-1298 гг. (№ 1620). Некоторый Σαλίχ (вероятно, татарин, с арабским именем Салих) погиб в 1278 г. (PLP X, № 24756). Не полностью исключено, что в фамилии севаста Πολύχαρτος Μαιτιζής, погибшего вместе со своим племянником Захарием в 1262 г. (PLP VII, № 16567), скрывается имя Мухаммад (сокращённая форма Мамед).

Мы нашли через татарский язык также христианку-иудейку Γισχοῦντ (PLP II, № 4152 яхуди – иудей, иудейка), умершую в 1327 г.; Иудейкой называлась, вероятно, только из-за того, что вышла замуж за Γιου (< евр. Йуд; сочинивший лемму № 4181 догадывался о том, что название её мужа восходит к Γεώργιος); имя матери (?) Иудейки Πεγυετζού имеет тюркский вид (беклер – беки), пожалуй, означает: ‘происходящая из беков’. Возникает только вопрос, восходил ли её (?) род к хазарским бекам, один из которых был, вероятно, иудеем (Б. 77). Положительный или отрицательный ответ на него вряд ли возможен.

Довольно многих имён мы не могли расшифровать. Это может быть обусловлено неточностью греческих записей, или большим временным и географическим расстояниями между современным языком Татарстана и языком крымских татар XIII–XIV вв., но причиной может быть и то, что имена отчасти являются аланскими, сугдскими. Одно татарское название, Т́ат́хара, обозначает, очевидно, не татарина; Thatt, согласно Шильтбергеру, по языку ‘язычников’, т.е. татар, означает suttı (сугды) (Б. 232), или готский (язык) (Б. 234). На самом деле слово имеет более абстрактное значение ‘покоренный народ’ или ‘принадлежащий к нему’, как выяснили уже Ф. Брун и А.А. Васильев (Б. 233; ср. по-татар.: тату – мирный); „кара“ означает ‘чёрный’. У нас есть два представителя этого имени, PLP XI 27541 сл., самый важный из которых второй по очереди лексикона, Иоанн Т́ат́хара, протоиерей, сын которого Андросник (Андрей) Ἀλκῆ умер в 1312 г. (PLP I, № 1163). Если Таткара был аланом, его сын был также аланом. Во всяком случае, мы не должны их называть, как сделали (Б. 170), из-за их негреческого имени татарами.

³¹ Отметим, что есть и речка Аджибей, приток реки Суук Су, падающей в Судак в море, см.: Словарь. 1998. С. 18. 113.

Возникает вопрос: аланское ли имя Абка? Ошибку, соответствующую упомянутой, мы совершили (Б. 170), считая татаринном протоиерея Ефрема, сын которого Σάβας Σαμάτ (PLP X, № 24767) был убит в 1282 г. В этом случае даже содержащаяся в PLP информация смогла бы предупредить нас. „Смбат, Семпат“ – армянское имя, и, что оно не является произвольным толкованием имени Σαμάτ, можно вывести из леммы № 24766, согласно которой один из Σαμάτ, который женился на Ἐρνιτζοῦ, получил в сугдейском синаксаре прозвание Ἀρμένης. Ἐρνιτζοῦ также армянское имя? Один начальник, Ἰβανέσις τοῦ Σοβαχᾶ, умерший в 1407 г. (PLP X, № 26278), кажется, был русским. Мы видим, что и при наличии информации их толкование не очень легко. Чтобы определить этносы людей, записанных в синаксаре, мы нуждаемся в некоторых знаниях не только греческого, но и татарского, арабского, еврейского, армянского, иранских и славянских языков.

В другом случае мои выводы о генетическом составе русского народа в 944 г. оказались отчасти неправильными из-за отчасти неправильной информации А.И. Романчук. Алла Ильинична написала со ссылкой на Радзивилловскую летопись (ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 25): „В 944 г. ... отправили в Константинополь весть о направляющихся к столице кораблях князя Игоря, собравшего значительное войско из варягов, Руси, полян, словен, половцев“³². Я комментировал: „Весть херсонитов представляет собой, так сказать, генетический паспорт русских того времени: две германские составные части, две славянские и одна азиатская. Поляне тождественны древним антам, словены – славянам, жившим на западе от них“ (Б. 369). Ссылка правильна, но в Радзивилловской летописи написано под 6452 (943/44) г.:

«Игорь составил воинов многих, варягов, и русов, и полян, и словенов, и кривичей, и тивирецев, и печенегов нанимая, и заложников у них беря, и пошёл на греков в кораблях и на конях, желая мстить. Это услышав, корсунцы послали к Роману, сообщая: «Приходят русские корабли бесчисленные, покрыли море корабли». Так же и болгары послали весть, сообщая: «Приходят русы, и наняли печенегов». Это услышав, царь послал к Игорю лучших бояр, прося и сообщая: «Не приходи, но возьми дань, которую получал Олег, и прибавлю ещё к той дани». Так же и к печенегам послал ткани и золото многое. Игорь же, дошедши до Дуная, созвал дружину, приказал совет держать и сообщил им слово царское. Сказала же дружина Игоря: «А, если царь так говорит, то что хотим более этого,

³² Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 58 и прим. 93.

не сражаясь, иметь золото, и серебро, и ткани? Вряд ли кто-то знает, кто победит, мы ли, или они. Есть ли с морем кто-то знаком? Ибо не по земле идём, но по глубине морской, и общая смерть (будет) всем». И послушал их Игорь, и повелел печенегам воевать против болгарской земли, а сам, взяв у греков ткани и золото и на всех воинов, вернулся обратно и прибыл к Киеву»³³.

На основе этого рассказа следует исправить наше утверждение в том смысле, что в генетический паспорт русских того времени вошли два германских племени, варяги – разумеется, княжества Киева, не все – и русы, и не два, но четыре славянских племени, поляне, словены, кривичи, и тиверцы, но отнюдь не азиатское племя. Печенеги выступают как наёмники, союзники, обеспечивающие свою верность выдачей заложников. Об ассимиляции степняков можно только думать со времени содружества куманов-половцев-победителей с новгород-северским князем Игорем через свадьбу сына русского князя с половецкой принцессой в 1187 г. (Б. 154). Я считаю это событие более значительным для русского этногенеза, чем поражения, которые оба народа терпели друг от друга. Что касается печенегов, можно заметить, как сильно действует в истории всё же иногда нарушенный закон: враги моих врагов – мои друзья. Русские были врагами хазар. Врагами их врагов были также печенеги. Традиционная вражда между византийцами и болгарами в то время отсутствовала. Не только корсунцы-херсониты, но и болгары предупредили императора об опасности. Разумеется, что сообщение об этническом составе русов имеет внутрirusский характер. Херсониты и болгары вряд ли могли различать все упомянутые германские и славянские племена. Русский хронист это и предполагает, если, согласно ему, херсониты сообщили о русских кораблях, болгары о русах и печенегах, не упоминая в этой связи никакого другого племени. Германские племена упоминаются летописцем на первом месте, но славянское большинство в киевском княжестве, судя по численности упомянутых племён, уже является подавляющим. Всё же то обстоятельство, что дружина решает вопрос о войне и мире, напоминает ещё о древнегерманском thing.

Как закончить эту реплику? В этом показанном смысле я готов исправить ранние утверждения, если это необходимо, и если мне удастся опубликовать ещё второе издание „Истории крымских готв ...“, то и все отмененные рецензентами неточности. На вопрос о происхождении Иоанна Готского (ср. Г. – М. 622, прим. 8) я должен дать более подобающий ответ. Может быть, что он и в особенности его дед вообще не были гота-

³³ Благодарю Летову Ирину Анатольевну за проверку и исправление перевода.

ми. Но это не очень важный вопрос, потому что византийцы, как правило, судили людей по образованию, умонастроению и действию, а не по происхождению. Я благодарен за ссылку на книгу А.И. Айбабина „Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999“, непосредственно касающуюся моей темы, и надеюсь найти в ней такой же полезный состав информации, как и в монографиях А.А. Васильева о крымских готах и Ф. Бирбрауера о готах на территории Польши и Украины. Форму, в какой рецензенты указывают мне на такую информацию (Г. – М. 616), в будущем следует предвидеть. В том, что остались у них однозначные следы советской идеологии, не может быть сомнения. Но вот мой собственный взгляд на неё: определённое благожелательное отношение к марксизму-ленинизму нам было даже нужно на Западе, чтобы не выть с волками и не осуждать всё, что совершалось под знаменем социализма. Я отказался от коммунистов только на Рождество 1979 г. (по григорианскому календарю) и прекратил и мои дружеские связи с членами КП Австрии, когда они опять продолжали защищать линию советских товарищей. Я и после этого никогда не ставил сталинизм на равном уровне с нацизмом, как многие сегодня делают, не только иностранцы. После краха СССР я эмигрировал не на Запад, как это модно, не только в России, но и в Германии, но на Восток. Я думаю, что это было лучше для меня, по крайней мере, с точки зрения исследования византийской истории, а также философских проблем, которыми временами занимаюсь.

H.-V. BEYER
EKATERINBURG

IDEOLOGIE AM BEISPIEL DER LEUGNUNG DER TATSACHEN,
DASS DIE GOTEN AUF DER KRIM EINE BEDEUTENDE ROLLE
GESPIELT HABEN UND ZUR ZEIT DES IKONOKLASMUS
IKONODULEN WAREN, SOWIE DER VERPFLANZUNG
IHRES BISTUMS AN DIE UNTERE DONAU

Der Aufsatz stellt eine Replik auf die ausführliche, jedoch nicht eben freundlich gehaltene Rezension dar, die A. G. Gercen und Ju. M. Mogaričov in МАИЭТ 9 (2002), S. 615–632, dem Buch des Replizierenden über die Geschichte der Krimgoten gewidmet haben. Die Schwierigkeit oder gar Unmöglichkeit, die Goten nach ihrer Anpassung an die byzantinische Kultur an für sie typischen stilistischen Merkmalen zu erkennen, gibt Ideologen die Möglichkeit, Gotien mit

Leuten nach ihrem politischen Geschmack zu besiedeln. Das schlimmste Beispiel hierfür ist der von I. Ševčenko entlarvte sogenannte *Toparcha Gothicus* ukrainischer Herkunft, den B. Hase – die Namensgebung stammt nicht von ihm – für seinen Petersburger Wohltäter Nikolaj P. Rumjancev (1754–1826) erfand, um ihm zu schmeicheln, ihn hierbei insgeheim lächerlich machend. Die Goten waren als *foederati* reichsunabhängig, um das Jahr 787 wurden sie von den Chazaren unterworfen und lebten seitdem mit wenigen Unterbrechungen ständig unter der Herrschaft von turksprachigen Steppenvölkern, wobei sie den Chazarenkagan und die kumanischen und tatarischen Khane als ihre obersten Herrn anerkannten. Zu diesen kam im Jahre 1475 noch der türkische Sultan. Zweitens darf als gesichert gelten, dass der Raum um die Festung Mangup seit Prokopios' Zeiten und früher bis zu Zeiten Busbecqs um 1570 und später von Goten besiedelt war, dass also auch die dort befindlichen Höhlenkirchen als Werk der Goten anzusehen sind, nicht im Sinne einer von ihnen entwickelten 'Krimgotik', sondern als Vergegenständlichung ihrer Arbeitskraft. Weiterhin ist festzuhalten, dass die Goten insgesamt weder mit den Deutschen noch mit deren Vorfahren zu identifizieren sind, wie das aus nationalistischer Fahrlässigkeit mitunter geschieht.

Die Verärgerung der Rezensenten ist in gewisser Weise verständlich. Der Rezensierte zeigte auf, dass sich die von ihnen vorgenommene Verpflanzung des in den Konzilsakten von 787 genannten Bistums Gotien nach Nikopolis an der unteren Donau auf ein einziges Wort stützt, ein grammatisch und stilistisch unrichtig gebrauchtes Νικοπόλεως anstelle von Νικήτα. Ein Mönch Kyrill unterzeichnete die Akten der vierten Sitzung des Konzils als „Vertreter des Ioannes, Bischofs der Goten“, repräsentierte aber in den Augen der byzantinischen Kirchenverwaltung den vermutlich von den Ikonoklasten eingesetzten Bischof Niketas, da der abwesende, in den Aufstand gegen die Chazaren verwickelte Ioannes vom georgischen Katholikos geweiht war und deshalb von der Konstantinopler Kirche nicht anerkannt werden konnte. Die Rezensenten suchen zudem die in der Vita Stephanos' des Jüngeren im Zusammenhang mit Cherson, Bosphoros und Nikopsis und den Ereignissen des Jahres 754 als Zufluchtsort genannte Γότθιος Κοίλη (gotische Höhlung) ebenfalls an die Donau zu verpflanzen und machen so aus drei in der Vita genannten Zufluchtsorten der Ikonodulen vier. Die „gotische Höhlung ist höchstwahrscheinlich mit der Fortsetzung der nördlichen Bucht von Sevastopol', dem Tal von Inkerman, identisch.

Der Rezensierte ist ferner der Auffassung, dass einzig die von Archäologen in der Nähe von Koktebel' vorgeschlagene Grabung für eine Identifizierung mit Phul(I)oi in Frage kommt, andere Vorschläge auf Grund eines Menander-Protektor-Fragments auszuschließen sind, und glaubt, die Bemerkung in der

Notitia de Boor „Bischof der Chotziren nahe Phuloi und Charasiu“ in dem Sinne richtig interpretiert zu haben, dass mit „Phuloi“ und „Charasiu“ (Karasu) die beiden Extrempunkte des Bistums angegeben werden. Er akzeptiert die Widerlegung der von A. A. Vasiliev behaupteten Gabras-Herrschaft über Theodoro durch V. P. Stepanenko und zeigt auf, dass im 15. Jh. Tscherkessen über Gotien herrschten.

Anhand einer Arbeit von A. G. Gercen, der abstreitet, dass mit dem vom Chazarenkönig Joseph genannten „Kut“ Gotien gemeint sei, wird dargelegt, dass die Krimgoten sich und ihr Land mit dem Wortstamm „Kut“ bezeichneten. Das lässt sich nicht nur aus dem hebräischen Schreiben des Chazarenkönigs und dem durch Ch. Montandon überlieferten Namen „Kouttelley“ für Eski-Kermen erschließen, den uns Gercen mitteilt, ohne ihn deuten zu können, sondern auch aus Schiltbergers Bericht von einer „Kuthia sprach“ auf der Krim. Tatarisch „tele“ bedeutet laut Auskunft eines Native speakers ‘Sprache’, „kut tele“ ‘Sprache der Kut’, zusammengeschrieben ‘kutschprachig’. Das erschlossene „u“ in der Selbstbezeichnung der Krimgoten als „Kut“ findet eine Stütze in der Selbstbezeichnung der alten Goten als Gut-þiuda (Gotenvolk) sowie in den ältesten antiken Zeugnissen von den Goten. Strabon nennt sie Γούτωνες, Plinius der Ältere „Gutones“. In der zweiten Silbe des Ortsnamens „Mangut“, der zum erstenmal im Brief König Josephs belegt ist und später zu „Mangup“ entstellte wurde, scheint jedoch nicht das Ethnonym „Kut“, sondern das alttürkische Wort „kut“ (Festung) zu stecken, so dass „Mangut“ in Analogie zur tatarischen Bezeichnung von Kiev durch „Mankerman“ (meine Stadt) als ‘meine Festung’ erklären ist.

Obwohl die kriegerischen Tataren nach massenhaftem Zulauf zur deutschen SS nicht ganz ohne Grund von der Krim deportiert wurden, ist dieses Motiv als rein politisch anzusehen und rechtfertigt nicht den Umstand, dass die tatarische Geschichte der Halbinsel schon früher von manchen Historikern faktisch ausgeklammert wurde. Ein so hochverdienter Krimforscher wie P. I. Keppen (1. H. 19. Jh.) scheint nicht imstande gewesen zu sein, sprachliche und menschliche Barrieren zu überwinden und hat „Koutteley“ durch das offensichtlich türkische „Kız-Kule“ (Jungfernturm oder -schloss) deuten wollen – diese Interpretation wird auch von A. G. Gercen abgelehnt.

Die Rezensenten des Krimgotenbuches verweisen auf in Mangup geprägte Münzen mit der Darstellung der Ikonoklastenkaiser Leons III. und Konstantins V. und erschließen daraus eine Vorherrschaft des Ikonoklasmus in Gotien. Der Rezensierte hingegen meint, es könne sich wegen mangelhafter Bezeugung byzantinischer Verwaltung in Gotien bei den Münzen nur um Produkte einer Fälscherwerkstatt handeln. Ferner ist der durch Konstantin V. 754 erzwungene Übertritt eines Bischofs von Gotien zum Ikonoklasmus kein Argument für ein

Vorherrschen des Ikonoklasmus in Gotien, sondern eher ein Beweis des Gegenteils. Der Bischof erhielt zur Belohnung die Metropolis von Herakleia/Thrakien und kehrte nicht nach Gotien zurück. Es gibt trotz aller Dürftigkeit der Quellen ausreichende Zeugnisse für ein Vorherrschen der Ikonenverehrung auf der Krim außerhalb von Cherson: die Vita Stephans von Surož (Sugdaia), den Bericht über die Wahl des Ioannes Gothicus, die Ratschläge, die Stephan der Jüngere seinen Mönchen im Jahr 754 gab, den Bericht über die freundliche Aufnahme des Ioannes Psychaites in Bosphoros, wo vermutlich auch Epiphanius, der ikonoklastische Orte wie Cherson mied, Station machte, die Korrespondenz des Theodoros Studites mit einem Archimandriten in Gotia und vereinzelte Zeugnisse über Flüchtlinge. Über Ikonoklasmus außerhalb von Cherson wissen die Rezensenten überhaupt kein stichhaltiges Argument beizubringen. Mogaričov macht allerdings in einem Vortragsrésumé von 2003 auf eine mögliche Entdeckung S. A. Ivanovs aufmerksam, derzufolge die ursprüngliche Vita Stephans von Surož einen ikonoklastischen Anstrich hatte.

Der Rezensierte fühlt sich im übrigen bemüßigt, von sich aus auf einige verbesserungswürdige Punkte aufmerksam zu machen. Einmal verwechselte er die Turkvölker mit den Finnougriern. Seine Annahme, dass Sugdaia bis zur tatarischen Machtübernahme eine Alanen- oder Sugdenstadt gewesen sei, findet eine gewisse Bestätigung dadurch, dass man dort zoroastrische Devotionalien fand. Andererseits ist in Zweifel zu ziehen, dass die einheimische Bevölkerung von den Tataren aus der Stadt vertrieben wurde. Eine Aufschlüsselung der nichtgriechischen Namen im Synaxar von Sugdaia vom Tatarischen her zeitigte folgendes vorläufige Ergebnis: einige Personen tragen tatarische Namen, arabische Namen verweisen auf Tataren, deren Vorfahren bereits islamisiert waren, eine Verstorbene wird tatarisch als Jüdin bezeichnet, offenbar, weil sie einen Juden geheiratet hatte. Der turksprachige Name ihrer Mutter (?) verweist darauf, dass diese von Beys abstammte. Ein Name, „Samat“, ist erwiesenermaßen nicht tatarisch, sondern armenisch. Mit dem tatarischen Namen „Tatkara“ wird ein von Tataren unterworfenen Nichttatare bezeichnet. Eine beträchtliche Zahl von nichtgriechischen Namen, z. B. „Apka“, ließ sich vom modernen Tatarisch her nicht entschlüsseln. Es ist die Frage zu stellen, ob diese Namen vielleicht iranischen (alanischen, sugdischen) Ursprungs sind. Zur Erklärung sämtlicher Namen sind Griechisch-, Tatarisch-, Arabisch-, Hebräisch-, Armenisch-, Iranisch- und Slavischkenntnisse erforderlich. Zur Erklärung von Ortsnamen ist ferner Tscherkessisch und Türkisch vonnöten.

Auf Grund eines teilweise unrichtigen Quellenreferats (es handelt sich um eine Notiz in der Radzivilovoskaja letopis' zum Jahre 943/44) über die Zusammensetzung des Heeres Fürst Igors kam der Rezensierte zu teilweise unrichtigen Schlussfolgerungen über den seinerzeitigen „genetischen Code“ des russischen

Идеология, показанная на примере отрицания...

Volkes. Das Heer Igors bestand aus zwei germanischen Stämmen (Varäger, Rus) und vier slavischen (Poljanen, Slovenen, Krivitschen und Tiverzen). Die Petschenegen treten nur als Verbündete auf. Eine russische Assimilation von Turkvölkern ist tunlichst erst für die Zeit ab 1187, dem Jahr der Hochzeit des Thronfolgers von Novgorod-Severskij mit einer Polovzerprinzessin, in Erwägung zu ziehen.